

Посвящается Джиму и Кейт

Песня Темзы

*Солью тянет чуть слышно:
река поднимает воды,
темнеет, как крепкий чай,
выходит из берегов.
Над нею — валы и колеса
чудовищных механизмов,
и в каждом — безумный призрак
цепями гремит, и стонет,
и шепчет страшные тайны.
Каждая шестеренка
скалит золотые зубы,
каждый большой маховик
лопасти-руки вертит,
жадно черпая воду,
плоть реки поглощая;
вода становится паром,
и движутся механизмы,
питаясь ее распадом.
Тихо идет прилив —
ржавчина, соль и глина:
он железо разъест,
и маховик застынет.
Плещет волна о причалы,
и стонет гулко и страшно,
словно колокол с башни,
баков полая сталь, —
а воды катятся вдаль.*

Элка Клоук

Пролог

Лондон, апрель 1878 года

Демон взорвался фонтаном ихора и внутренностей.

Уильям Эрондейл поспешно выдернул кинжал — но слишком поздно. Едкая кислота, заменявшая демону кровь, уже начала разъедать блестящее лезвие. Уильям выругался и отшвырнул клинок; тот шлепнулся в вонючую лужу и задымился, как плохо погашенная спичка. Демон, конечно, уже исчез — отправился обратно в родную преисподнюю, оставив за собой только кучу грязи.

— Джем! — крикнул Уилл своему напарнику. — Ты видел?! Я его сделал одним ударом! Недурно, да?

Но никто не откликнулся. Странно. Казалось, еще несколько секунд назад второй охотник стоял позади, прикрывая ему спину. Уилл покрутил головой и нахмурился: что толку устраивать представление, если никто его не оценит? Он заглянул в проем между домами, где улица сужалась до тесного переулка, обрывавшегося прямо над черными водами Темзы. В дальних доках маячили темные силуэты кораблей — частокол мачт, словно

зимний лес без единого листика. Джема не было видно. Может, он решил вернуться на Узкую улицу? Там все-таки посветлее. Уилл пожал плечами и зашагал обратно той же дорогой, которой пришел.

Узкая улица — узкая не только по названию — тянулась через Лаймхаус, между доками и чередой кособоких деревянных лачуг, лепившихся друг к другу вплотную, до самого Уайтчепела. Сейчас там не было ни души. И даже ни одного пьяного тела: видно, завсегда таи «Виноградника» подыскали себе другие места, чтобы прикорнуть на ночь. Уиллу нравился Лаймхаус: здесь его охватывало чувство, будто он где-то на самом краю мира, откуда каждый день уходят в неведомую даль все новые и новые корабли. Игорных домов, опиумных притонов и дешевых борделей тут развелось видимо-невидимо, но Уиллу это ничуть не мешало. Наоборот, это было хорошо: в таком месте затеряться — раз плюнуть. Его не раздражал даже запах — неповторимая смесь дыма, пеньки и смолы, заморских пряностей и грязной речной воды.

Окинув взглядом пустую улицу, Уилл потер щеку рукавом пальто: расставаясь с жизнью, демон забрызгал его ихором, и кожу изрядно жгло. Рукав тут же покрылся зелеными и черными пятнами. Вдобавок на тыльной стороне руки обнаружился порез, и довольно глубокий. Целебная руна пришла бы кстати. Лучшее всего — одна из Шарлоттиных. *Ираци* ей особенно удавались.

Стоило ему об этом подумать, как из гущи теней вынырнула и медленно двинулась в его сторону одна, определенно человеческая. Уилл шагнул было

Пролог

навстречу, но остановился. Это был не Джем. Всего лишь патрульный, обычный полисмен в шлеме-колоколе и тяжелом пальто. На лице его читалось удивление. Патрульный таращился прямо на Уилла — или, точнее, сквозь него. К чарам иллюзий Уиллу было не привыкать, но все равно это было странно — когда кто-то смотрит прямо на тебя и видит пустое место. Уилла посетила шальная мысль: а не отобрать ли у этого простеца дубинку? Вот смеху-то будет, когда он начнет крутить головой, недоумевая, куда она подевалась. Раньше Уилл уже такое проделывал, но Джем всегда его за это ругал, так что на сей раз он решил сдержаться: не стоит попусту огорчать напарника.

Полицейский между тем пожал плечами, пару раз сморгнул и двинулся дальше мимо Уилла, бормоча себе под нос, что с джином пора завязывать, а то уже и так мерещится черт знает что. Уилл отступил, чтобы пропустить его, дождался, пока полицейский скроется из виду, и крикнул во весь голос:

— Джеймс Карстерс! Джем! Куда ты запропастился, негодяй?

И на этот раз ответ пришел. Откуда-то из темноты донесся чуть слышный голос второго охотника:

— Я здесь. Иди за колдовским светом.

Уилл зашагал на голос — в темный проход между двумя складами. Там, среди теней, и впрямь мерцал бледный огонек вроде тех, что загораются по ночам на болотах.

— Ты что, не слышал, как я зову? Этот шакс чуть не достал меня своими чертовыми клешнями, но я загнал его в угол и...

— Я все слышал.

В свете уличного фонаря молодой человек, вышедший из проулка, казался еще бледнее обычного — а обычно он и так был бледен, как мертвец. Шляпы на нем не имелось, а оттого волосы мгновенно приковывали к себе взгляд: они сияли серебром, как новенький шиллинг. Таким же серебром сверкали чуть раскосые глаза на тонкокостном, скуластом лице.

Белую манишку Джема пятнали какие-то темные потеки, а руки его были густо перемазаны красным.

Уилл напрягся:

— Ты ранен?

Джем раздраженно отмахнулся от его заботы:

— Кровь не моя. — Он обернулся и посмотрел в глубину переулка: — Это ее.

Уилл проследил за взглядом друга. Среди теней в дальнем конце прохода едва виднелась маленькая, скрюченная фигурка. Прищурившись, Уилл разглядел бледную руку и прядь светлых волос.

— Мертвая женщина? Из простецов?

— Скорее, девочка. Ей от силы четырнадцать.

Уилл разразился чередой ругательств — витиеватых и очень громких. Джем терпеливо ждал.

— Если бы мы только успели чуть раньше... — наконец выдохнул Уилл. — Тогда бы этот чертов демон...

— Знаешь, не все так просто. Думаю, демон тут ни при чем, — нахмурился Джем. — Шаксы — они же паразиты. Они бы утащили жертву в свое логово и там отложили свои яйца ей под кожу, пока она

Пролог

еще жива. А эта девочка... Ее ударили ножом — и не один раз. И, думаю, это случилось не здесь. Крови тут слишком мало. Скорее, на нее напали в другом месте, а сюда она приползла умирать.

— Но шаксы...

— Говорю тебе, это не шакс! Шакс, я думаю, как раз на нее и охотился — шел на запах крови. Но мы нашли его раньше.

— У шаксов острый нюх, — уступил Уилл. — Я даже слышал, что колдуны с их помощью разыскивают пропавших. И, похоже, он действительно шел по следу. — Он вновь взглянул на тело, скорчившееся в темном переулке. — А оружия ты не нашел?

— Вот. — Джем вытащил из внутреннего кармана куртки нож, завернутый в белую тряпицу. — Что-то вроде мизерикорда или охотничьего кинжала. Посмотри, какой тонкий клинок.

Уилл взял кинжал. Лезвие и впрямь тонкое; ручка из полированной кости. Клинок покрывала засохшая кровь. Нахмурившись, Уилл начал вытирать его рукавом пальто, и вскоре из-под грязи показался символ, выжженный на лезвии. Две змеи, держащие друг друга за хвост, — идеальный круг.

— *Уроборос*, — объявил Джем, наклонившись, чтобы разглядеть клинок. — Двойной. Ну и что это, по-твоему, означает?

— Конец мира... — ответил Уилл, все еще рассматривая кинжал и едва заметно улыбаясь. — Конец... и начало.

Джем нахмурился:

— Это я и без тебя знаю. Меня интересует другое: зачем его изобразили на кинжале?

Ветер с реки взъерошил волосы Уилла; он откинул их со лба нетерпеливым жестом и снова уставился на кинжал.

— Это алхимический символ. Ни колдуны, ни обитатели Нижнего Мира его не используют. Значит, скорее всего, это сделали люди — кто-то из тех глупых простецов, которые заигрывают с магией в надежде на богатство и славу.

— Ага, из тех, от кого потом остается только грудка кровавого тряпья посредине какой-нибудь пентаграммы, — угрюмо подхватил Джем.

— И из тех, кто вечно нарываяется на встречу с гостями из Нижнего Мира, — подытожил Уилл и, аккуратно обернув кинжал носовым платком, сунул его в карман. — Как ты думаешь, Шарлотта разрешит мне вести расследование?

— С чего ты взял, что в Нижнем Мире тебе вообще хоть что-то доверят? Азартные игры, магические притоны, женщины легкого поведения...

Уилл улыбнулся так, как мог бы улыбнуться Люцифер за миг до того, как рухнуть с небес.

— Если я приступлю прямо завтра, как ты думаешь, это будет не слишком рано?

Джем вздохнул:

— Поступай как знаешь, Уильям. Ты ведь всегда все делаешь по-своему.

Саутгемптон, май

Тесс казалось, что механический ангел был с ней всегда — и она всегда его любила. Когда-то он принадлежал ее матери, и та носила его до самой смерти. После этого ангел поселился в мамин